



EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН НА САЙТЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «САМЕСОВ против РОССИИ»

(Жалоба № 57269/14)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

20 ноября 2018 года

ВСТУПИЛО В СИЛУ

20 февраля 2019 года

Настоящее постановление вступило в силу в порядке, установленном в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Самесов против России»

Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая Палатой в состав которой вошли:

Винсент А. Де Гаetano, *Председатель*,
Бранко Лубарда,
Хелен Келлер,
Дмитрий Дедов,
Пере Пастор Виланова,
Георгиос А. Сергидес,
Йолин Схёккинг, *судьи*,

а также Фатош Араци, *Заместитель Секретаря Секции*,
проведя заседание за закрытыми дверями 23 октября 2018 года,
вынес следующее постановление, утвержденное в указанный день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано по жалобе (№ 57269/14) против Российской Федерации, поданной в Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») от гражданина Белоруссии Самесова Александра Валерьевича (далее — «заявитель») 10 декабря 2014 года.

2. Интересы заявителя в Суде первоначально представлял А.П. Конаков, а затем — А.Б. Царев, адвокаты, практикующие в г. Санкт-Петербурге. Интересы Властей Российской Федерации (далее — «Власти») первоначально представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а впоследствии — его преемник на этом посту М. Гальперин.

3. Заявитель утверждал, что он был подвергнут жестокому обращению со стороны сотрудников полиции, и что Власти не провели эффективного расследования по данному делу.

4. 30 августа 2016 года данная жалоба была коммуницирована Властям.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель, 1987 года рождения, до задержания проживал в г. Санкт-Петербурге.

А. Задержание и предполагаемое жестокое обращение с заявителем

6. 27 июня 2013 года следователь Главного следственного управления Следственного комитета по г. Санкт-Петербургу возбудил уголовное дело по факту мошенничества в отношении Р., предположительно совершенного заявителем.

7. Заявитель был задержан 4 июля 2013 года в 16:30 возле своего автомобиля на улице в г. Санкт-Петербурге сотрудниками СОБР ГУ МВД РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, а также оперуполномоченными 7 отдела ОРЧ (УР) № 3 ГУ МВД РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее — «отдел уголовного розыска»). Заявитель был одет в футболку-поло и шорты. Он лежал на земле до прибытия Д. на место происшествия.

8. В этот день были проведены следующие следственные действия:

(i) с 17:25 до 18:30 в автомобиле заявителя был проведен обыск;

(ii) в 19:00 он был задержан в качестве подозреваемого и обыскан Д. в 59 отделе полиции г. Санкт-Петербурга (протокол задержания был составлен в 20:50);

(iii) с 22:00 до 23:58 его квартиру (которую он снимал у С.) обыскал Д.;

(iv) вскоре после полуночи в гараже его жены был проведен обыск, после чего он был доставлен в кабинет Д. в Следственном комитете по г. Санкт-Петербургу.

9. По словам заявителя, он не оказывал сопротивления при задержании. С момента его доставления в 59 отдел полиции 4 июля 2013 года до 6:00 5 июля 2013 года оперуполномоченные Ч., К. и П. из отдела уголовного розыска в присутствии Д., предположительно, подвергли его жестокому обращению с целью заставить его признаться в совершении преступлений. В частности, ему, предположительно, наносили удары кулаками и ногами в голову и живот (Ч. и К. в 59 отделе полиции); били книгой по голове, ушам и затылку и заставили встать на колени на разложенные на полу небольшие предметы (Ч., К. и П. во время обыска в его квартире); били кулаками, ногами, тащили по земле и плевали в лицо (во время обыска в гараже); били кулаками по голове, животу и груди, едва не задушили полиэтиленовым пакетом, надетым на голову, несколько раз били по телу и левой почке (Ч., К. и П. с 2:00 до 6:00 в кабинете Д. Следственного комитета по г. Санкт-Петербургу), а также угрожали пистолетом (Ч.). Д. предположительно отказал в возможности связаться с семьей и адвокатом заявителя.

10. 5 июля 2013 года с 7:00 до 8:30 в Следственном комитете по г. Санкт-Петербургу Д. допрашивал заявителя в качестве подозреваемого в присутствии назначенного государством адвоката А.Д., приглашенного Д. По словам заявителя, он попросил А.Д.

проинформировать Управление собственной безопасности МВД о предполагаемом жестоким обращении с ним, но он этого не сделал.

11. 5 июля 2013 года около полудня сотрудники полиции доставили заявителя в Александровскую больницу Санкт-Петербурга, где были зафиксированы телесные повреждения. Заявитель отрицал факт физического насилия. По словам заявителя, он отрицал факт насилия, поскольку ему угрожали насилием те, кто жестоко обращался с ним, если он «откроет [свой] рот».

12. В этот день с 17:10 до 18:05 в Выборгском районном суде Санкт-Петербурга состоялось слушание в присутствии заявителя и его адвоката. Суд удовлетворил ходатайство Д. о заключении заявителя под стражу, и он был заключен под стражу.

13. После слушания дела в суде заявитель был доставлен в другое отделение полиции (№ 57) в Санкт-Петербурге, где также были зафиксированы телесные повреждения. В полицейских протоколах содержатся пояснения заявителя о том, что телесные повреждения были нанесены ему в период с 4 по 5 июля 2013 года во время допроса в Следственном комитете.

14. 6 июля 2013 года примерно в 9:00 заявителя повторно доставили в больницу, где он оставался до 9 июля 2013 года.

15. 9 июля 2013 года заявителя поместили в следственный изолятор ИЗ 47/4 г. Санкт-Петербурга.

Б. Телесные повреждения заявителя

16. Согласно медицинским записям в Александровской больнице Санкт-Петербурга заявитель был госпитализирован в экстренном порядке и проходил стационарное лечение в урологическом отделении с 5 по 9 июля 2013 года. Он жаловался, в частности, на боль в левой части поясничной области, в области живота и коленных суставов. Ему был поставлен диагноз «ушиб левой почки». У него также были поверхностные ссадины на верхней части живота, ссадины на обоих коленных суставах (размером от 0,5 x 1 см до 1 x 1,5 см) и синяки на животе, груди и руках. После госпитализации заявитель был выписан для дальнейшего наблюдения и амбулаторного лечения урологом.

17. Согласно протоколам из 57 отдела полиции в Санкт-Петербурге от 5 июля 2013 года, где заявитель был осмотрен дежурным сотрудником, у заявителя имелись: (i) ушиб на лбу; (ii) ссадины на правом локте; (iii) гематомы на груди и животе и (iv) ссадины на обоих коленях.

18. 9 июля 2013 года заявителя осмотрел врач следственного изолятора ИЗ 47/4. Он жаловался на боль в левой части поясничной области. Врач зафиксировал ссадины на коленных суставах заявителя и гематомы на животе и отметил, что травмы были получены примерно 5 июля 2013 года.

19. 2 сентября 2013 года Ш., следователь Следственного комитета по Санкт-Петербургу, проводивший доследственную проверку предполагаемого жестокого обращения заявителя со стороны сотрудников полиции, распорядился провести судебно-медицинскую экспертизу медицинских документов заявителя, указав, что он содержится под стражей и поэтому не может явиться на экспертизу лично. Следователь резюмировал утверждения заявителя о предполагаемых обвинениях в жестоком обращении следующим образом. После задержания в ходе допроса он неоднократно получал удары кулаками и ногами по ушам, затылку и животу.

20. Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы № 3575 П, которая проводилась в отсутствие заявителя с 13 по 18 сентября 2013 года на основании постановления следователя от 2 сентября 2013 года и которая включала анализ медицинской документации заявителя, заявитель имел следующие телесные повреждения: (i) гематомы на лбу; (ii) гематомы на груди и животе; (iii) ссадину на животе; (iv) ссадины на правом локтевом суставе и обоих коленных суставах, зафиксированные 5 июля 2013 года; и (v) гематомы на руках, зафиксированные 8 июля 2013 года. Эксперт пришел к выводу, что телесные повреждения заявителя, зафиксированные 5 и 8 июля 2013 года, были причинены в течение последних четырнадцати – пятнадцати дней. Эксперт не исключил возможности того, что 4 июля 2013 года заявителю были причинены телесные повреждения, и пришел к выводу, что телесные повреждения были получены от удара твердым тупым предметом или предметами в результате удара или давления (гематома), трения или удара с трением (ссадины) и не причинили никакого «ущерба здоровью» заявителя. Эксперт не исключил возможности того, что травмы в области живота могли быть вызваны тем, что заявителя пнули в эту область, о чем утверждал заявитель. Эксперт далее определил не менее семи областей на теле заявителя, где имелись доказательства применения силы. Эксперт посчитал, что с учетом имеющихся медицинских данных невозможно достоверно подтвердить ушиб левой почки заявителя, поэтому данный ушиб не подлежал экспертизе.

21. 15 октября 2013 года Ш. распорядился провести дополнительную судебно-медицинскую экспертизу медицинских документов заявителя, вновь заявив, что заявитель содержится под стражей и поэтому не может явиться на экспертизу лично. Следователь заявил, что на основании видеозаписи задержания заявителя было установлено, что в ходе задержания заявитель был «повален» на землю, где некоторое время лежал лицом вниз неподвижно. Далее следователь заявил, что, согласно объяснениям, полученным в ходе доследственной проверки, по прибытии сотрудников СОБР заявитель попытался скрыться, обогнув свою машину. Однако сотрудники полиции окружили автомобиль с обеих сторон. Поскольку заявитель

оказал дальнейшее сопротивление при задержании, сотрудники полиции применили приемы самбо, в результате чего заявитель был «повален» сзади лицом вниз на землю, и ему надели наручники. По словам свидетелей, на локтях и коленях заявителя были легкие свежие ссадины, которые, должно быть, были вызваны падением на землю. Других повреждений у него не было. Следователь поручил эксперту определить, могли ли быть причинены телесные повреждения заявителю в результате его падения на твердую асфальтовую поверхность.

22. 15 ноября 2013 года тот же эксперт выдал дополнительное заключение судебно-медицинской экспертизы (№ 4414 П). Она была проведена в отсутствие заявителя на основании постановления следователя от 15 октября 2013 года и включала анализ медицинских документов заявителя и фотографий, на которых его можно было увидеть лежащим на земле лицом вниз после задержания в присутствии нескольких сотрудников СОБР. В ответ на вопрос следователя эксперт заявил, что гематомы на лбу и животе заявителя, а также ссадины на животе, локтях и коленях могли быть вызваны при падении на твердую асфальтовую поверхность. Эксперт также подтвердил выводы, сделанные в предыдущем заключении, о других возможных причинах травм, таких как удар, и, в частности, о том, что он не исключает возможности того, что полученные заявителем травмы живота, учитывая их характер и локализацию, могли бы в равной степени быть вызваны тем, что его пнули в эту область один или несколько раз, как утверждал заявитель.

В. Доследственная проверка в соответствии со статьей 144 Уголовно-процессуального кодекса

23. 7 августа 2013 года заявитель подал в Управление Следственного комитета по г. Санкт-Петербургу официальное заявление о возбуждении уголовного дела в связи с предполагаемым жестоким обращением (см. пункт 9 выше).

24. Ш. провел доследственную проверку в Управлении Следственного комитета по г. Санкт-Петербургу по статье 144 Уголовно-процессуального кодекса («УПК»).

25. В указанные ниже даты и в соответствии с пунктом 2 части 1 статьи 24 УПК, Ш. отказался возбудить уголовное дело в отношении сотрудников полиции и Д. в связи с отсутствием в их действиях состава преступления, предусмотренного статьей 286 Уголовного кодекса (превышение должностных полномочий). Четыре из этих постановлений об отказе были отменены вышестоящим органом Следственного комитета как необоснованные и / или незаконные, и следственным органам было поручено провести дополнительные доследственные проверки:

- (i) 10 сентября 2013 года (отменено 16 сентября 2013 года);
- (ii) 15 октября 2013 года (отменено 8 ноября 2013 года);
- (iii) 9 декабря 2013 года (отменено 7 августа 2014 года);
- (iv) 18 декабря 2014 года (отменено 7 августа 2015 года);
- (v) 5 сентября 2015 года.

1. Пояснения и другие материалы, собранные Ш.

26. Основанием для постановления Ш. об отказе в возбуждении уголовного дела послужили следующие пояснения и другие материалы, собранные в ходе доследственной проверки, а также заключения судебно-медицинской экспертизы.

27. А. и С.Б., сотрудники СОБР, оказывали содействие Ч., К. и П. во время задержания заявителя. Они заявляли, что заявитель пытался скрыться, обогнув свою машину; они окружили транспортное средство и применили к заявителю следующие приемы: они держали его с загнутыми за спину руками и сделали подсечку. После этого они уложили его на землю лицом вниз. Затем на него надели наручники. Они не утверждали, что сбили заявителя с ног. Они также не утверждали, что заявитель упал на землю. Л., водитель СОБР, снимал задержание на видео. Его версия о том, как было произведено задержание, была идентична версиям А. и С.Б.

28. Ч., К. и П., сотрудники отдела уголовного розыска, участвовавшие в задержании заявителя, заявили, что они не видели самого момента его задержания, то есть когда он был задержан А. и С.Б. и лежал лицом вниз на земле. По словам Ч. и Д. (которые прибыли после задержания), у заявителя были свежие ссадины на локтях и коленях, которые, вероятно, были вызваны падением на землю. После задержания К. и П. не заметили никаких видимых телесных повреждений. Они заявили, что у заявителя, «возможно», были ссадины на руках и лбу. Других телесных повреждений у него не было. Никакие угрозы или физическая сила к нему не применялись после его задержания на улице, во время обыска его автомобиля, в 59 отделе полиции г. Санкт-Петербурга, во время обысков у него дома и в гараже жены, или в Следственном комитете по г. Санкт-Петербургу. Сотрудники полиции отрицали, что подвергали заявителя каким-либо угрозам или жестокому обращению с целью добиться признания в мошенничестве.

29. А.Б. участвовал в обыске автомобиля заявителя после его задержания в качестве понятого вместе с М. По словам А.Б., заявитель вел себя спокойно и не жаловался. Сотрудники полиции не оскорбляли его и не угрожали ему. А.Б. не заметил у заявителя каких-либо телесных повреждений. По словам А.Б., соседи из соседнего здания (имена которых не указаны в постановлениях следователей) предположительно, видели, как заявитель пытался убежать от

сотрудников полиции в направлении своего автомобиля; однако затем он был задержан сотрудниками СОБР.

30. О. участвовал в обыске квартиры заявителя и гаража в качестве понятого вместе с Щ. По словам О., заявитель вел себя спокойно и не жаловался. Сотрудники полиции не угрожали ему и не подвергали его физическому насилию. О. не видел на нем никаких видимых телесных повреждений.

31. С., владелица квартиры, арендованной заявителем, заявила, что видела заявителя во время обыска в квартире. Она не заметила на нем никаких видимых телесных повреждений. По словам С., заявитель был спокоен и не жаловался на насилие со стороны сотрудников полиции. С. далее заявила, что сотрудники полиции вели себя вежливо. После обыска в квартире заявитель спустился вниз, не оказывая сопротивление. Он был в наручниках.

32. В материалах дела заявителя содержалась служебная записка Ч. без даты, в которой он уведомлял Д. о задержании заявителя 4 июля 2013 года в 16:30 по подозрению в мошенничестве. В рапорте указывается, что «при задержании Самесов А.В. оказал неповиновение, пытался скрыться, в результате чего в отношении него были применены приемы самбо и спец. средства — наручники».

33. На видеозаписи, сделанной СОБР, видно, что заявитель после задержания лежал лицом вниз на земле. По словам Ш., на лбу и правом локте заявителя были видны повреждения, напоминающие ссадины.

2. Отказ в возбуждении уголовного дела от 5 сентября 2015 года

34. В последнем постановлении об отказе (от 5 сентября 2015 года) в возбуждении уголовного дела — в связи с отсутствием признаков составов преступлений по статьям 286 (превышение должностных полномочий) и 302 (принуждение к даче показаний) Уголовного кодекса в действиях Ч., К., П. и Д. — Ш. счел, что утверждения заявителя о жестоком обращении со стороны сотрудников полиции содержат неразрешенные противоречия, свидетельствующие о его попытках избежать уголовной ответственности и представить следственным органам ложную информацию. В частности, заявитель указал, что он неоднократно подвергался физическому насилию, в результате чего получил травмы головы, живота и конечностей. Однако, согласно его медицинской карте, у него не было никаких травм головы, и предполагаемый ушиб левой почки не был подтвержден. Что касается ссадин на его конечностях, голове и животе, то следователь пришел к выводу, что они, скорее всего, были нанесены во время задержания в результате применения к заявителю боевых приемов сотрудниками СОБР и нахождения заявителя на земле. Следователь далее указал семь областей, повреждения которых указывали на то, что против заявителя могла быть применена сила, — на лбу, груди, животе, руках и коленях. Следователь отметил, что

телесные повреждения заявителя, зафиксированные 5 и 8 июля 2013 года, были причинены в течение последних четырнадцати - пятнадцати дней. Соответственно, они могли быть причинены в другой день, а не 4 июля 2013 года.

3. Судебный пересмотр постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела

35. Заявитель обжаловал постановления об отказе (от 9 декабря 2013 года, 18 декабря 2014 года и 5 сентября 2015 года) в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников полиции на основании статьи 125 УПК.

36. 25 июня 2014 года Октябрьский районный суд г. Санкт-Петербурга отказал в удовлетворении апелляционной жалобы заявителя на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 9 декабря 2013 года. 7 октября 2014 года Санкт-Петербургский городской суд отменил это постановление в апелляционном порядке и признал постановление об отказе в возбуждении уголовного дела незаконным и необоснованным, обязав следственные органы устранить нарушения. В частности, суд апелляционной инстанции отметил, что следователем принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела без установления личностей всех ответственных лиц в нарушение требований уголовно-процессуального законодательства. Кроме того, суд апелляционной инстанции установил, что доследственная проверка была неполной, поскольку не все доводы заявителя были учтены.

37. 26 июня 2015 года Октябрьский районный суд г. Санкт-Петербурга признал постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 18 декабря 2014 года незаконным и необоснованным, а следственным органам было предписано устранить нарушения. В частности, суд установил, что следователь не учел доводы заявителя относительно предполагаемых угроз и случаев физического насилия со стороны сотрудников полиции во время обыска гаража и не обосновал свой отказ в возбуждении уголовного дела.

38. 6 мая 2016 года Октябрьский районный суд г. Санкт-Петербурга отказал в удовлетворении апелляционной жалобы заявителя на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 5 сентября 2015 года, которое он счел законным и обоснованным. 2 августа 2016 года Санкт-Петербургский городской суд отказал в удовлетворении кассационной жалобы заявителя на решение районного суда.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО

39. Для ознакомления с соответствующим внутригосударственным правом см. постановление Европейского Суда от 24 июля 2014 года по

делу «Ляпин против России» (*Lyapin v. Russia*), жалоба № 46956/09, пункты 96–102.

40. Статья 144 Уголовно-процессуального кодекса в редакции Федерального закона от 4 марта 2013 года № 23-ФЗ в соответствующей части гласит:

Статья 144. Порядок рассмотрения сообщения о преступлении

«1. Дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о ... преступлении и ... принять по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня [поступления] указанного сообщения. [Они] вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их ..., назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

3. Руководитель следственного органа, начальник органа дознания вправе ... продлить до 10 суток срок, установленный частью первой настоящей статьи. При необходимости производства документальных проверок, ревизий, судебных экспертиз, исследований документов, предметов, трупов, а также проведения оперативно-розыскных мероприятий руководитель следственного органа ..., а прокурор ... вправе продлить этот срок до 30 суток ...»

41. Раздел VIII Уголовно-процессуального кодекса, который регулирует предварительное расследование, предусматривает, *inter alia*, (после внесения поправок в Федеральный закон от 4 марта 2013 года № 23-ФЗ), что такие следственные меры, как осмотр места происшествия, документов и/или предметов, судебно-медицинская экспертиза и получение образцов для сравнительного исследования могут быть назначены и / или проведены в соответствующих случаях, до возбуждения уголовного дела (часть 2 статьи 176, часть 4 статьи 195 и часть 1 статьи 202).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

42. Заявитель жаловался на то, что он был подвергнут жестокому обращению со стороны сотрудников полиции, и что Власти не провели эффективное расследования по данному делу. Он ссылаясь на статью 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

43. Власти оспорили этот довод. Они утверждали, что заявитель активно сопротивлялся задержанию и пытался скрыться, и что для того, чтобы помешать ему скрыться, полиция применила физическую силу, «сбив его с ног, опустив лицом на асфальт и надев на него наручники». Они заявили, что в результате применения силы он получил следующие повреждения: гематому на лбу, ссадины на правом локте и ссадины на коленных суставах. Власти утверждали, что попытка заявителя скрыться была подтверждена свидетелями его задержания; тот факт, что в официальных протоколах процессуальных действий, предпринятых 4 и 5 июля 2013 года, не упоминалось о его жалобах на жестокое обращение, и что свидетели этих процессуальных действий заявили, что полиция не применяла в отношении него никаких угроз или силы, и не заметили каких-либо телесных повреждений (понятые и владелец квартиры, которую он арендовал), а также задержка с подачей официального заявления о возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников полиции, опровергали утверждения заявителя. Кроме того, Власти заявили, что утверждения заявителя о жестоком обращении противоречат его фактическим повреждениям, и что он получил бы более серьезные повреждения. Они пришли к выводу, что применение силы в отношении заявителя было обусловлено его собственным поведением и не было чрезмерным. Это не привело к каким-либо «долгосрочным или даже незначительным негативным последствиям для его здоровья». Это не может считаться бесчеловечным или унижающим достоинство обращением. Задержка с подачей заявления о возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников полиции значительно снизила эффективность любых мер, которые органы власти смогли принять в ответ. Например, судебно-медицинский эксперт не смог установить точную причину или время в отношении телесных повреждений заявителя в заключении от 18 сентября 2013 года. Власти предприняли все необходимые процессуальные действия в ходе доследственной проверки и обоснованно отказались возбуждать уголовное дело по утверждениям заявителя, которые не были подкреплены доказательствами. Власти сослались на постановление Европейского Суда от 15 ноября 2016 года по делу «Горячкин против России» (*Goryachkin v. Russia v. Russia*), жалоба № 34636/09.

44. Представитель заявителя утверждал, что даже если некоторые из травм могли быть получены во время задержания заявителя (гематома на лбу и ссадины на правом локтевом и коленном суставах), другие его травмы не могли быть вызваны тем, что он «лежал» лицом вниз на земле. Заявитель указал, что утверждение Властей о том, что он активно сопротивлялся при задержании и пытался скрыться, является необоснованным. Их ссылка на показания очевидцев его задержания не подкрепляется какими-либо доказательствами, такими как протоколы допросов этих свидетелей. Показания понятых о том,

что они не заметили у него телесных повреждений, лишь подтверждают его жалобу на жестокое обращение после процессуальных действий, проведенных с их участием. Заявитель пояснил, что он не жаловался на жестокое обращение понятым, владельцу квартиры, которую он снимал, врачам в больнице или в суде, вынесшим решение о заключении его под стражу, поскольку он был подавлен — он был под контролем сотрудников полиции, которые жестоко обращались с ним, подвергался давлению и угрозам, и опасался, что жестокое обращение будет продолжаться. Таким образом, в официальных протоколах процессуальных действий, предпринятых 4 и 5 июля 2013 года, не упоминалось о его жалобах. Кроме того, протокол его задержания был составлен без присутствия его адвоката; его семья и консульство Белоруссии не были проинформированы о его задержании. Его допрос в качестве подозреваемого 5 июля 2013 года состоялся в присутствии назначенного государством адвоката, приглашенного следователем. Этот адвокат действовал в соответствии с указаниями следователя и не в интересах заявителя, и его присутствие было чистой формальностью. Заявитель также утверждал, что утверждение Властей о том, что он получил бы более серьезные травмы, чем те, которые он получил, является абсолютно гипотетическим.

А. Приемлемость

45. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, жалоба должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

1. Общие принципы

46. Суд повторяет, что статья 3 Конвенции закрепляет одну из основополагающих ценностей демократического общества. Она в абсолютных выражениях запрещает пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, независимо от обстоятельств дела или поведения жертвы (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудла против Польши» (*Kudła v. Poland*), жалоба № 30210/96, пункт 90, ECHR 2000-XI).

47. При оценке доказательств, на которых основывается решение о том, имело ли место нарушение статьи 3, Суд использует стандарт доказывания «вне разумного сомнения». Однако такое доказывание может основываться на совокупности достаточно надежных, четких и

последовательных предположений или аналогичных непровергнутых фактических презумпций (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Яллох против Германии» (*Jalloh v. Germany*), жалоба № 54810/00, пункт 67, ECHR 2006-IX). Если при задержании сотрудниками полиции состояние здоровья задержанного лица нормальное, а в момент освобождения имеются телесные повреждения, власти обязаны предоставить правдоподобное объяснение того, каким образом указанные телесные повреждения были нанесены, а в случае неспособности предоставить таковое возникает закономерный вопрос, вытекающий из смысла статьи 3 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 4 декабря 1995 года по делу «Рибич против Австрии» (*Ribitsch v. Austria*), пункт 34, Series A № 336; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сельмуни против Франции» (*Selmouni v. France*), жалоба №25803/94, пункт 87, ECHR 1999-V). Если рассматриваемые события в целом или в большей части находятся в исключительном ведении органов власти, как в случае с лицами, находящимися под стражей под контролем государства, возникают обоснованные презумпции факта в отношении телесных повреждений, полученных в период такого содержания под стражей. Бремя доказывания лежит на Властях, которым надлежит привести достаточное и убедительное объяснение, предоставив устанавливающие факты доказательства, ставящие под сомнение версию, представленную жертвой. При отсутствии такого объяснения Суд может сделать выводы, которые могут быть неблагоприятными для Властей. Это обосновано тем, что лица, содержащиеся под стражей, находятся в уязвимом положении, и Власти обязаны защищать их (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Буйид против Бельгии» (*Bouyid v. Belgium*), жалоба № 23380/09, пункт 83, ECHR 2015).

48. В тех случаях, когда лицо выдвигает небезосновательное утверждение о том, что оно подверглось обращению, нарушающему требования статьи 3 Конвенции, со стороны сотрудников полиции или других представителей государственных органов, данное положение, в совокупности с общим обязательством государства в соответствии со статьей 1 Конвенции «обеспечить каждому лицу, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в ... Конвенции», предполагает необходимость проведения эффективного официального расследования. Это расследование должно привести к установлению личности и наказанию виновных (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лабита против Италии» (*Labita v. Italy*), жалоба № 26772/95, пункт 131, ECHR 2000-IV). В противном случае, общий правовой запрет на применение пыток и бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания, вопреки своей фундаментальной важности, на практике будет неэффективным, а, в

некоторых случаях, у представителей государства будет иметься возможность безнаказанно превышать свои полномочия в отношении находящихся под их контролем лиц (см. постановление Европейского Суда от 28 октября 1998 года по делу «Ассенов и другие против Болгарии» (*Assenov and Others v. Bulgaria*), пункт 102, Сборник постановлений и решений 1998-VIII).

49. Расследование в отношении серьезных предполагаемых обвинений в жестоком обращении должно проводиться своевременно и тщательно. Органы власти должны всегда со всей серьезностью пытаться выяснить обстоятельства произошедшего и не должны полагаться на поспешные и необоснованные выводы для того, чтобы закрыть дело либо вынести решение. Они должны принимать все разумные и доступные им меры для получения доказательств по делу, включая, *inter alia*, свидетельские показания и данные судебной экспертизы. Любой недостаток расследования, который снижает вероятность установления происхождения телесных повреждений или личностей лиц, ответственных за их нанесение, влечет за собой риск несоблюдения данного принципа (см., например, постановление Европейского Суда от 29 июля 2010 года по делу «Копылов против России» (*Kopylov v. Russia*), жалоба № 3933/04, пункт 133). Таким образом, один лишь факт того, что не было принято надлежащих мер для недопущения вероятности сговора между предполагаемыми преступниками, представляет собой упущение, ставящее под сомнение достаточность расследования (см., *mutatis mutandis*, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Рамсахай и другие против Нидерландов» (*Ramsahai and Others v. the Netherlands*), жалоба № 52391/99, пункт 330, ECHR 2007-II; и постановление от 20 июня 2013 года по делу «Турлуева против России» (*Turluyeva v. Russia*), жалоба № 63638/09, пункт 107). Кроме того, расследование должно быть независимым, беспристрастным и должно подлежать общественному контролю (см. постановление Европейского Суда от 5 ноября 2013 года по делу «Месут Дениз против Турции» (*Mesut Deniz v. Turkey*), жалоба № 36716/07, пункт 52). Оно должно привести к обоснованному решению, убеждающему общественность в соблюдении принципа верховенства права (см., *mutatis mutandis*, постановление Европейского Суда от 4 мая 2001 года по делу «Келли и другие против Соединенного Королевства» (*Kelly and Others v. the United Kingdom*), жалоба № 30054/96, пункт 118).

50. Государству надлежит прибегнуть к процедуре, которая позволила бы ему принять все меры, необходимые для исполнения его позитивного обязательства по проведению эффективного расследования, в соответствии со статьей 3 (см., *mutatis mutandis*, постановление Европейского Суда от 7 января 2010 года по делу «Сашов и другие против Болгарии» (*Sashov and Others v. Bulgaria*), № 14383/03, пункты 64, 68 и 69; см. также постановление

Европейского Суда от 3 ноября 2011 года по делу «Ванфули против России» (*Vanfuli v. Russia*), жалоба № 24885/05, пункт 79; постановление Европейского Суда от 24 января 2012 года по делу «Нечто против России» (*Nechto v. Russia*), жалоба № 24893/05, пункт 87; и постановление Европейского Суда от 3 мая 2012 года по делу «Ницов против России» (*Nitsov v. Russia*), жалоба № 35389/04, пункт 60).

51. Суд установил в упоминавшемся выше постановлении по делу «Ляпин против России», что само по себе проведение доследственной проверки в соответствии со статьей 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (*проверка по заявлению о преступлении*) является недостаточным в случае несоблюдения органами государственной власти требования эффективности расследования по заслуживающим внимание жалобам на жестокое обращение со стороны сотрудников полиции в соответствии со статьей 3 Конвенции. Доследственная проверка представляет собой первый этап работы с заявлением о возбуждении уголовного дела в соответствии с российским законодательством. При этом в случае обнаружения признаков преступления в ходе проверки следственные органы возбуждают уголовное дело. Поэтому власти обязаны возбудить уголовное дело и провести «предварительное расследование», регулируемое разделом VIII Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, то есть полноценное уголовное расследование, в рамках которого может быть осуществлен весь комплекс следственных действий (там же, пункты 129 и 132–36).

52. Столкнувшись с многочисленными делами против России, касающимися отсутствия эффективного расследования — делами, в которых реагирование следственных органов на заслуживающие внимание предполагаемые обвинения в жестоком обращении со стороны полиции ограничивалось проведением доследственной проверки и отказом в возбуждении уголовного дела — Суд был вынужден сделать более строгие выводы. Сам факт отказа следственного органа возбудить уголовное расследование в связи с заслуживающими внимание предполагаемыми обвинениями в жестоком обращении со стороны полиции свидетельствует о невыполнении государством своего обязательства по статье 3 провести эффективное расследование (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Ляпин против России», пункты 129 и 132–36 и последующие дела, в которых Власти признали нарушение в соответствии с процессуальным аспектом статьи 3, например, постановление Европейского Суда от 6 октября 2015 года по делу «Горщук против России» (*Gorshchuk v. Russia*), жалоба № 31316/09, пункты 35–38; постановление Европейского Суда от 6 октября 2015 года по делу «Турбылев против России» (*Turbylev v. Russia*), жалоба № 4722/09, пункты 67–72; постановление Европейского Суда от 8 октября 2015

года по делу «Фартушин против России» (*Fartushin v. Russia*), жалоба № 38887/09, пункты 44–45; и постановление Европейского Суда от 21 февраля 2017 года по делу «Овакимян против России» (*Ovakimyan v. Russia*), жалоба № 52796/08, пункты 42, 49–53; а также многие другие прецеденты, в которых было выявлено нарушение статьи 3 в ее процессуальном аспекте, в том числе постановление Европейского Суда от 11 октября 2016 года по делу «Леонид Петров против России» (*Leonid Petrov v. Russia*), жалоба № 52783/08, пункты 78–81; постановление Европейского Суда от 11 апреля 2017 года по делу «Моргунов против России» (*Morgunov v. Russia*), жалоба № 32546/08, пункты 38–39; постановление Европейского Суда от 2 мая 2017 года по делу «Кондаков против России» (*Kondakov v. Russia*), жалоба № 31632/10, пункты 33–34; постановление Европейского Суда от 2 мая 2017 года по делу «Ситников против России» (*Sitnikov v. Russia*), жалоба № 14769/09, пункты 38–39; постановление Европейского Суда от 2 мая 2017 года по делу «Олисов и другие против России» (*Olisov and Others v. Russia*), жалоба № 10825/09 и 2 другие, пункты 81–82; постановление Европейского Суда от 28 ноября 2017 года по делу «Александр Коновалов против России» (*Aleksandr Konovalov v. Russia*), жалоба № 39708/07, пункты 37–38; и постановление Европейского Суда от 15 мая 2018 года по делу «Сергей Иванов против России» (*Sergey Ivanov v. Russia*), жалоба № 14416/06, пункты 81–83).

53. Влияние подхода, изложенного в упоминавшемся выше постановлении по делу «Ляпин против России», на материальный аспект статьи 3 было разъяснено в упоминавшемся выше постановлении по делу «Олисов и другие против России» и последующих делах, в которых Суд установил, что поверхностная внутригосударственная доследственная проверка является ненадлежащей основой для выполнения Властями бремени доказательства и представления доказательств, способных поставить под сомнение достоверные утверждения заявителей о жестоком обращении со стороны полиции. Поэтому он отклонил объяснения Властей, в которых они отрицали ответственность государства за предполагаемое жестокое обращение со стороны полиции, опираясь на результаты доследственных проверок (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Олисов и другие против России», пункт 82; упоминавшееся выше постановление по делу «Александр Коновалов против России», пункт 41; постановление Европейского Суда от 12 декабря 2017 года по делу «Ксенз и другие против России», жалоба № 45044/06 и 5 других, пункт 104; и упоминавшееся выше постановление по делу «Сергей Иванов против России», пункт 82).

2. Применимость вышеупомянутых принципов к настоящему делу

54. Суд с самого начала отмечает, что обстоятельства настоящего дела имели место после внесения поправок Федеральным законом от 4

марта 2013 года в положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующие проведение доследственной проверки (см. пункты 40–41 выше). В результате этих поправок до возбуждения уголовного дела могут быть проведены дополнительные следственные мероприятия, такие как судебно-медицинская экспертиза и получение образцов для сравнительного исследования. Оперативная судебно-медицинская экспертиза жертв предполагаемого жестокого обращения со стороны полиции является важным элементом эффективного расследования (см. пункт 49 выше). Кроме того, подход в упоминавшемся выше постановлении по делу «Ляпин против России» (см. пункты 51–52 выше) не следует рассматривать как обязательство возбуждать полноценное уголовное расследование во всех случаях, когда поступает жалоба на жестокое обращение. Доследственная проверка может служить законной цели отсеивания необоснованных или даже фиктивных жалоб, экономя ресурсы следственных органов (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Горячкин против России», пункт 68). Однако, если на основании собранной информации раскрываются признаки состава преступления, то есть предполагаемого жестокого обращения, то доследственной проверки уже недостаточно, и власти должны начать расследование, в ходе которого может быть осуществлен весь комплекс следственных действий, включая допрос свидетелей, очные ставки и опознание (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Ляпин против России», пункт 134). Рамки доследственной проверки (если за ней не следует уголовное расследование) не позволяют установить личность предполагаемых исполнителей жестокого обращения и не могут привести к их наказанию, поскольку возбуждение уголовного дела и уголовное расследование являются предпосылками для предъявления им обвинений, которые затем могут быть рассмотрены судом (там же, пункт 135).

55. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что заявитель получил травмы после проведенного времени в полиции (см. пункты 16–18 выше). Он жаловался (впервые 5 июля 2013 года и в своем заявлении о возбуждении уголовного дела от 7 августа 2013 года, см. пункты 13 и 23 выше) на жестокое обращение со стороны сотрудников полиции после его задержания 4 и 5 июля 2013 года. По словам судебно-медицинского эксперта, телесные повреждения могли быть получены в результате ударов твердыми, тупыми предметами 4 июля 2013 года. Повреждения живота заявителя могли быть вызваны ударом в эту область один или несколько раз (см. пункты 19–22 выше). Хотя ушиб почки заявителя не был предметом судебно-медицинской экспертизы, диагноз был поставлен врачами урологического отделения Александровской больницы, где заявитель проходил стационарное лечение с 5 по 9 июля 2013 года. Суд считает, что телесные повреждения, по крайней мере частично, могли быть результатом

предполагаемого жестокого обращения с заявителем со стороны сотрудников полиции, скорее всего, в результате ударов кулаками и ногами.

56. Указанных выше факторов достаточно для возникновения презумпции в пользу версии заявителя и для того, чтобы Суд пришел к выводу о том, что утверждения заявителя о жестоком обращении во время нахождения под стражей в полиции заслуживают доверия. Соответственно, государство обязано было провести эффективное расследование по его жалобам.

57. Реагирование государства на жалобу заявителя ограничивалось проведением доследственной проверки, в результате которой было принято решение о том, что нет никаких доказательств того, что действия сотрудников полиции раскрывают признаки состава преступления, и было отказано в возбуждении уголовного дела и проведении уголовного расследования. Всего было принято пять таких постановлений. Отказы в возбуждении уголовного дела были настолько необоснованными, что вышестоящие следственные органы неоднократно признавали их незаконными, необоснованными или основанными на неполном расследовании. Однако, расследование было завершено три года спустя национальными судами, которые установили в ходе разбирательства по статье 125 УПК, что постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 5 сентября 2015 года было законным и обоснованным (см. пункт 38 выше).

58. Суд не может не отметить, что заявления сотрудников полиции из СОБРа, производивших задержание, не дали оснований сделать вывод о том, что заявитель был «повален» и «упал» лицом вниз на землю. Тем не менее, указанное было представлено судебно-медицинскому эксперту для его дополнительной оценки (в ходе которой он пояснил некоторые из травм падением заявителя на землю), и являлось официальным объяснением травм заявителя. Кроме того, судебно-медицинская экспертиза была проведена в отсутствие заявителя более чем через два месяца после предполагаемого жестокого обращения и на основе либо неполного описания предполагаемого жестокого обращения (см. пункты 19 и 23 выше), либо искаженного описания материалов, собранных в ходе доследственной проверки (см. пункты 21–22 и 27 выше).

59. С учетом вышеизложенного, а также с учетом прочно сложившейся прецедентной практики в отношении процессуального обязательства государства по статье 3 (см. пункты 51–52 выше) суд не видит оснований для вынесения иного решения по настоящему делу. Суд считает, что отказ в возбуждении уголовного дела по небезосновательных утверждениях заявителя о жестоком обращении со стороны полиции, о которых власти были незамедлительно информированы, представлял собой неспособность провести

эффективное расследование, как это предусмотрено статьей 3 Конвенции.

60. Таким образом, было допущено нарушение процессуального аспекта статьи 3 Конвенции.

61. Принимая во внимание тот факт, что отрицание Властями утверждения заявителя о жестоком обращении со стороны полиции было основано на доследственной проверке, которая не соответствует требованиям эффективного расследования в соответствии со статьей 3 (см. пункты 53, 57 и 59-60 выше), Суд также считает, что Власти не смогли выполнить свое бремя доказывания и представить доказательства, способные поставить под сомнение заслуживающие внимание утверждения заявителя о жестоком обращении со стороны полиции.

62. Поэтому власти должны нести ответственность за жестокое обращение, о котором идет речь, которое является достаточно серьезным и равносильным бесчеловечному и унижающему достоинство обращению (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гёфген против Германии» (*Gäfgen v. Germany*), жалоба № 22978/05, пункты 87–93, ECHR 2010, и упоминавшееся выше постановление по делу «Горщук против России», пункт 33).

63. Соответственно, также имело место нарушение процессуального аспекта статьи 3 Конвенции.

II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

64. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

65. Заявитель потребовал 100 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

66. Власти заявили, что если Суд признает нарушение Конвенции и примет решение о присуждении справедливой компенсации, это должно быть сделано в соответствии с прочно сложившейся прецедентной практикой Суда.

67. Суд присуждает заявителю 20 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

Б. Расходы и издержки

68. Заявитель также потребовал 2 000 евро в качестве компенсации судебных издержек, связанных с представлением его интересов в суде А.Б. Царевым, а также расходов на перевод.

69. Власти подтвердили свою позицию (см. пункт 66 выше).

70. В соответствии с прецедентной практикой Суда, заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек только в той мере, в которой им было доказано, что такие расходы и издержки действительно имели место, были понесены по необходимости и являлись разумными с точки зрения их размера. В данном деле, учитывая полученные документы и вышеуказанные критерии, Суд полагает, что разумно присудить сумму в размере 1 944 евро в качестве компенсации расходов по разбирательству в Суде.

В. Проценты за просрочку платежа

71. Суд считает приемлемым, что процентная ставка при просрочке платежа должна быть установлена в размере, равном предельной учетной ставке Европейского центрального банка, плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *признал* жалобу приемлемой;
2. *постановил*, что было допущено нарушение процессуального аспекта статьи 3 Конвенции;
3. *постановил*, что было допущено нарушение материального аспекта статьи 3 Конвенции;
4. *постановил*
 - (а) что Государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления постановления в законную силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителю следующие суммы, переведенные в валюту государства-ответчика по курсу на день выплаты:
 - (i) 20 000 евро (двадцать тысяч евро), включая любой налог, которым может облагаться данная сумма, в качестве компенсации морального вреда;

(ii) 1 944 (одну тысячу девятьсот сорок четыре евро), плюс любой налог, который может быть взыскан с заявителя, в качестве компенсации расходов и издержек;

(б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данные суммы начисляются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского центрального банка в течение периода просрочки плюс три процентных пункта;

5. *отклонил* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о постановлении направлено в письменном виде 20 ноября 2018 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Фатош Араджи
Заместитель Секретаря

Винсент А. Де Гаetano
Председатель